

П.Н. Ардашев

**Разбор книги А. Ону
"Выборы 1789 года во
Франции и наказы третьего
сословия с точки зрения их
соответствия истинному
настроению страны"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
П11

- П11 **П.Н. Ардашев**
Разбор книги А. Ону "Выборы 1789 года во Франции и указы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны" / П.Н. Ардашев – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-458-11557-5

Разбор книги Александра Михайловича Ону: "Выборы 1789 года во Франции и указы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны" (С.-Петербург, 1908), являющейся главным трудом автора.

ISBN 978-5-458-11557-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

выборовъ 1789 г.: протоколамъ избирательныхъ собраній, официальной перепискѣ, текстамъ первичныхъ (въ большинствѣ своемъ также неизданныхъ) наказовъ и т. д.

Значительная часть этого обширнаго матеріала хранится въ главномъ изъ центральныхъ французскихъ архивовъ, носящемъ названіе „Національнаго“; эта часть матеріала и была подвергнута впервые г. А. Ону систематическому и обстоятельному изученію, и въ этомъ его главная заслуга. Конечно, матеріалъ этотъ, при всей своей обширности, далеко недостаточенъ для исчерпывающаго изученія предмета, но на такое исчерпывающее изученіе не претендуетъ и самъ авторъ, и нельзя, конечно, ставить ему въ вину, что онъ не выполнилъ того, что, по его совершенно вѣрному замѣчанію, „потребовало бы нѣсколькихъ человѣческихъ жизней“, и прибавимъ—значительныхъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ для изученія всего (до сихъ поръ въ значительной своей части еще не приведеннаго даже въ извѣстность) сохранившагося по этой части документальнаго матеріала пришлось бы исколесить вдоль и поперекъ всю Францію и перерыть сотни мѣстныхъ архивовъ—департаментскихъ, судебныхъ, городскихъ и частью даже сельскихъ. Мы не думаемъ также ставить автору въ серьезный упрекъ сознаваемые, впрочемъ, и имъ самимъ „изъяны въ литературѣ предмета“, тѣмъ болѣе, что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. А. Ону, „библіографія исторіи революціи, при ея подавляющей громадности и при полной неудовлетворительности болѣе половины печатныхъ книгъ, находится еще почти въ зачаточномъ состояніи“. Такимъ образомъ, по признанію самого автора, „и въ этомъ отношеніи предлагаемый трудъ не можетъ имѣть исчерпывающаго значенія“ (стр. 13). Не можемъ, однако, не замѣтить, что, даже не претендуя на полноту библіографіи, авторъ сдѣлалъ бы хорошо, не обходя полнымъ молчаніемъ такихъ, столь близко касающихся изучаемаго имъ вопроса новѣйшихъ трудовъ, какъ монографіи Delanoy о выборахъ въ генеральные штаты 1789 г., Cochin et Charpentier о выборной кампаніи 1789 г. въ Бургони, Mallet—о выборахъ въ понтгазскомъ балъяжѣ.

Вторая, меньшая часть введенія (стр. 13—21), озаглавленная „Историческая обстановка выборовъ 1789 г. по послѣднимъ даннымъ“, представляетъ собою попытку общей характеристики политическихъ и общественныхъ отношеній „старого порядка“ наканунѣ его паденія. Думается, что слѣдовало такому предмету, разъ онъ затронуть, посвятить уже не восемь страницъ, а по меньшей мѣрѣ вчетверо болѣе,

либо—вовсе его не затрагивать. Въ томъ видѣ, какъ онъ есть, названный очеркъ не представляетъ серьезнаго интереса ни для читателя-специалиста, какъ чересчуръ поверхностный, ни для читателя изъ большой публики, какъ слишкомъ отвлеченный и такъ сказать—афористичный. Да, наконецъ, на основаніи изученнаго имъ матеріала авторъ, все равно, не могъ создать себѣ сколько-нибудь полного и самостоятельнаго представленія о предметѣ; попытки же отнестись критически къ чужимъ воззрѣніямъ у него сводятся, какъ и слѣдовало ожидать, къ противопоставленію критикуемаго чужого воззрѣнія другому, тоже чужому мнѣнію, иногда вдобавокъ недостаточно правильно понятому. Типичный въ этомъ отношеніи образецъ представляетъ высказываемое авторомъ на стр. 20 возраженіе противъ „снисходительности и даже симпатіи къ старой провинціальной администраціи во Франціи“ со стороны пишущаго эти строки (въ „Провинціальной администраціи во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка“, 2 т. С.-Пб. и Кіевъ, 1900—1906 г.г.). Вмѣсто всякаго доказательства, г. А. Ону ограничивается ссылкой на мнѣніе А. Токвиля. „Скажу, говоритъ онъ, что расхожусь съ кіевскимъ профессоромъ постольку, поскольку онъ расходится съ точкой зрѣнія Токвиля, къ которой я почти всецѣло примыкаю“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ (давно къ тому же рѣшенный въ наукѣ) о томъ, насколько мнѣніе, хотя бы и авторитетное, можетъ замѣнить собою доказательство, основанное на источникахъ, позволимъ себѣ увѣрить г. А. Ону, что его попытка противопоставить въ данномъ случаѣ пишущаго эти строки Токвилю основана на неправильномъ пониманіи обохъ. Что касается пишущаго эти строки, то его „одобрительное отношеніе къ провинціальной администраціи при Людовикѣ XVI“ относится въ дѣйствительности не къ администраціи вообще, а къ тѣмъ ея представителямъ, дѣятельность которыхъ имъ изучена, а эта дѣятельность, насколько о ней можно судить по дошедшимъ до насъ источникамъ, такова, что человѣкъ, свободный отъ предвзятыхъ мнѣній, не можетъ отнестись къ ней иначе, какъ съ „одобрительностью“, а къ лицамъ, ее осуществлявшимъ, иначе, какъ „съ симпатіей“ (по отнюдь не съ „снисходительностью“, въ которой они совершенно не нуждаются). Какъ бы то ни было, мое „одобрительное“ отношеніе относится исключительно къ *людямъ* и ихъ *дѣятельности*, а не къ *учрежденіямъ* и ихъ *организации*, неудовлетворительность которыхъ мною, полагаю, была достаточно выяснена. Но если г. А. Ону находитъ возможнымъ противопоставлять пишущему эти строки Токвилю, то это потому, что онъ

не понималъ и послѣдняго, или, точнѣе,—понималъ его лишь наполовину. Совершенно вѣрно, что Токвиль не высказываетъ ни симпатіи, ни даже снисходительности къ старой провинціальной администраціи во Франціи; но г. А. Ону (какъ, впрочемъ, и многіе изъ моихъ критиковъ русскихъ и французовъ) упустилъ изъ вида тѣ въ высшей степени важныя оговорки, которыя дѣлаетъ при этомъ Токвиль относительно позднѣйшей поры стараго порядка, т. е.—той эпохи, къ которой специальнымъ образомъ и относится моя работа. Именно, Токвиль замѣчаетъ, что въ послѣднюю пору стараго порядка французская администрація, въ лицѣ ея представителей, настолько измѣнилась и „преобразилась“ къ лучшему, что, говоритъ онъ, писать по ней портретъ администраціи дореволюціонной Франціи значило бы писать портретъ „изрядно подолыщенный и мало схожій“ (стр. 92—93, 262 и 265 франц. изданія 1856 г.). Другими словами, Токвиль рисуетъ „портретъ“ французской администраціи не послѣдней поры стараго порядка, а эпохи болѣе ранней. Относительно же эпохи болѣе поздней онъ дѣлаетъ вполне опредѣленную оговорку, показывающую, что его отрицательное отношеніе на нее не распространяется. Если бы г. А. Ону правильно понималъ меня и противоположаемаго имъ мнѣ писателя, то онъ бы не усмотрѣлъ въ ихъ взглядахъ того, чего въ нихъ какъ разъ не имѣется: взаимной противоположности.

II.

Первая глава разбираемой книги, озаглавленная „Законъ о выборахъ и отношеніе власти къ избирателямъ“ (стр. 82—111), послѣ краткаго изложенія избирательнаго закона (регламента 24-го января 1789 г.), болѣе обстоятельно трактуетъ два вопроса: объ отношеніи центральной власти къ выборамъ (стр. 25—48) и о роли мѣстныхъ властей (стр. 49—111).

Это одна изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ главъ всей работы, хотя и не изъ наиболѣе удачныхъ. Что авторъ не сумѣлъ избѣжать повтореній, говоря о роли судейскихъ во второмъ отдѣлѣ главы, хотя имъ специально посвященъ третій,—это еще полъ-бѣды. Болѣе серьезный дефектъ заключается въ томъ, что, говоря довольно обстоятельно о роли судебного вѣдомства, авторъ совершенно забываетъ о верхахъ послѣдняго—парламентахъ. Правда, парламенты не играли никакой непосредственной роли въ выборахъ 1789 года, но косвенно, въ дѣлѣ общественной агитаціи, именно, въ направленіи,

противоположномъ господствовавшему въ то время лозунгу: *vote par tête, doublement du tiers*—эта роль была не изъ послѣднихъ и выяснить ее болѣе обстоятельно было бы важно. Не менѣе серьезный промахъ допустилъ авторъ, трактуя о роли судейскихъ въ одной плоскости съ прочими „властями“, т. е. административными органами правительства, интендантами и субделегатами. Судейскіе чины на мѣстахъ трактуются авторомъ на ряду съ этими послѣдними, въ качествѣ двухъ категорій „мѣстныхъ властей“, настолько между собою родственныхъ и взаимно солидарныхъ, что онъ считаетъ даже возможнымъ говорить о „программѣ мѣстныхъ властей“, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ терминомъ судейскихъ и администрацію вмѣстѣ. Въ результатѣ подобнаго трактованія, у читателя, не посвященнаго въ детали административнаго и судебного строя старой Франціи, создается совершенно неправильное представленіе о послѣднемъ, и это тѣмъ болѣе, что сплошь да рядомъ употребляемое г. А. Ону безъ всякихъ оговорокъ выраженіе „министръ юстиціи“, вмѣсто „хранителя печатей“ (иногда, впрочемъ, и этотъ титулъ встрѣчается у г. А. Ону, но въ неточной формѣ: „хранитель печати“), еще болѣе утверждаетъ непосвященнаго читателя въ неправильномъ представленіи о судебномъ вѣдомствѣ старой Франціи—по образу и по подобию современнаго строя: судебное вѣдомство, какъ одно изъ правительственныхъ вѣдомствъ, и судейскіе чины, какъ одинъ изъ мѣстныхъ органовъ центральной власти. Г-ну А. Ону, конечно, не безызвѣстно то совершенно особое положеніе, какое занимало въ дореволюціонной Франціи судебное вѣдомство, какъ своего рода государство въ государствѣ; это необходимо было коротко, но ясно отмѣтить и подчеркнуть. Кое-гдѣ вскользь брошенныхъ словъ о продажности и наслѣдственности судейскихъ должностей совершенно недостаточно, въ особенности въ виду неудачнаго построения разбираемой главы, создающей въ головѣ читателя, въ связи съ неустойчивой и неточной терминологіей автора, совершенно превратное представленіе о дѣйствительномъ положеніи вещей въ изучаемую эпоху, въ чемъ пишущему эти строки приходилось неоднократно убѣждаться лично, при чтеніи составленныхъ по книгѣ г. А. Ону рефератовъ студентами университета и слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ. Было бы лучше, если бы г. А. Ону въ главѣ объ отношеніи власти къ избирателямъ ограничился рѣчью о правительствѣ и его административныхъ органахъ, а судебному вѣдомству посвятилъ бы особую главу, въ которой, къ тому же, на ряду съ судейскими, могли бы съ удобствомъ найти себѣ мѣсто и другія не являвшіяся

органами правительства „мѣстныя власти“, почему-то совершенно забыты авторомъ: муниципалитеты, провинціальные штаты и провинціальныя собранія съ ихъ исполнительными органами.

При всемъ томъ разсматриваемая глава содержитъ въ себѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ результатовъ. Во-первыхъ, путемъ тщательнаго подбора обширнаго документальнаго матеріала (данныя котораго, однако, авторъ могъ бы использовать болѣе экономно, не отягощая книги и не утомляя вниманія читателя изложеніемъ зачастую однородныхъ случаевъ, которые достаточно было лишь кратко отмѣтить) г. А. Ону окончательно выяснилъ ту преобладающую роль, которую играли въ выборныхъ операціяхъ судейскіе, въ особенности въ лицѣ лейтенантовъ балъжей и сенешальствъ („сенешоссей“, по неудачной транскрипціи автора). Въ качествѣ предсѣдателей окружныхъ собраній, они имѣли сильное, зачастую рѣшающее вліяніе какъ на ходъ выборовъ, такъ и на составленіе окружныхъ наказовъ. Другой цѣнный результатъ разсматриваемой главы заключается въ окончательномъ выясненіи вопроса о роли правительства въ выборахъ 1789 г. За недостаткомъ объективныхъ данныхъ, вопросъ этотъ рѣшался до сихъ поръ каждымъ историкомъ на основаніи болѣе или менѣе произвольныхъ и субъективныхъ соображеній, продиктованныхъ по большей части предвзятыми симпатіями или антипатіями авторовъ къ „старому порядку“. Собранныя г. А. Ону документальныя данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство Людовика XVI вполне добросовѣстно соблюдало заявленный имъ офиціально принципъ невмѣшательства въ выборы и вполне сознательно и послѣдовательно воздерживалось отъ прямого ли или косвеннаго давленія какъ на выборы, такъ и на составленіе наказовъ. „Всѣ распоряженія правительства, вся переписка министровъ съ агентами мѣстной судебной и административной власти—все клонилось къ точному, безъ оговорокъ и недомолвокъ, проведенію начала невмѣшательства“ (стр. 30). „Если пересмотрѣть все относящееся до выборовъ въ 90 картонахъ серіи В^a и 174 фоліантахъ серіи В^{III} въ національномъ парижскомъ архивѣ, то нельзя найти и слѣда тѣхъ макіавелистическихъ замысловъ правительства, какіе ему приписываются нѣкоторыми историками“ (стр. 33). Этотъ выводъ представляетъ тѣмъ большую цѣнность, что онъ исходитъ отъ писателя, котораго скорѣе можно упрекнуть за нѣсколько предвзятое скептическое отношеніе къ „Назарету“ стараго порядка, чѣмъ за „списходительность и симпатіи“ къ послѣднему. Но авторъ слишкомъ проникнутъ научнымъ интересомъ къ изучаемой

эпохѣ, чтобы диктуемую источниками историческую правду приносить въ жертву тѣмъ или другимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Повинуясь повелительному голосу источниковъ, автору не разъ случается даже обмолвиться добрымъ словомъ о той самой администраціи стараго порядка, противъ „одобрительнаго“ и „снисходительнаго“ отношенія къ которой со стороны пишущаго эти строки онъ только что было мобилизовалъ цѣлую армію ученыхъ авторитетовъ, съ Токвилемъ во главѣ.

III.

Слѣдующія двѣ главы носятъ заглавія: „Давленіе и избирательная борьба въ приходсахъ“ (глава вторая, стр. 112—202) и „Первичныя собранія приходовъ“ (глава третья, стр. 203—276). Обратный порядокъ, казалось бы, былъ болѣе естественнымъ, но, разъ таково было изволеніе автора, подчинимся установленному имъ порядку изложенія.

Вторая глава начинается вводными замѣчаніями, сущность которыхъ сводится къ тому, что въ приходскихъ собраніяхъ, на которыхъ составлялись первичные указы крестьянъ и горожанъ, „слѣдуетъ искать истинно народной подкладки знаменитыхъ кайе (sic!), составленныхъ отъ имени французскаго народа“ (стр. 112). Какъ и слѣдовало ожидать, судя по заглавію книги и по введенію, авторъ говоритъ въ этихъ вводныхъ замѣчаніяхъ о своемъ намѣреніи посвятить главу приходскимъ собраніямъ, какъ сельскимъ, такъ и городскимъ. Обѣщаніе это, однако, остается невыполненнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности вся глава посвящена исключительно лишь деревенскимъ, крестьянскимъ приходскимъ собраніямъ. Почему же обойдены полнымъ молчаніемъ городскія собранія? На этотъ вопросъ авторъ не даетъ никакого отвѣта. Первый отдѣлъ главы озаглавленъ: „Предсѣдательство сенъеріальныхъ судей“ (стр. 112—135). Но содержаніе отдѣла не вполне отвѣчаетъ заглавію, такъ какъ кромѣ сенъеріальныхъ судей, здѣсь говорится также и о судьяхъ королевскихъ; при чемъ автору здѣсь приходится еще разъ повторяться послѣ того, что было дважды говорено о роли судей во второмъ и третьемъ отдѣлахъ первой главы. Далѣе, хотя отдѣлъ озаглавленъ „Предсѣдательство сенъеріальныхъ судей“, но въ немъ говорится также о предсѣдательствѣ на приходскихъ собраніяхъ и лицъ другихъ общественныхъ положеній, въ томъ числѣ о сельскихъ синдикахъ (старостахъ). О послѣднихъ г. А. Ону даетъ въ примѣчаніи краткое поясненіе, въ которомъ вѣрное не

совѣтъ ясно, а ясное не совѣтъ вѣрно. „Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ старосты избирались сельскими обществами, въ другихъ назначались администраціей или сеньеромъ“ (стр. 119). Вѣрно, но неясно, чтѣ разумѣть авторъ подъ „мѣстностями“: отдѣльныя ли поселенія или же цѣлые районы; если послѣднее, то неясность осложняется уже неточностью. „Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что очень многіе синдики избирались, а не назначались“ (тамъ же). Ясно, но не вполне вѣрно, потому что назначались синдики лишь въ единичныхъ и исключительныхъ случаяхъ; приведеннымъ разъясненіемъ г. А. Ону это, конечно, не отрицается, но утверждаемый имъ фактъ все-таки не вполне точно выражаетъ дѣйствительное положеніе вещей.

Въ разбираемомъ отдѣлѣ второй главы авторъ еще разъ подчеркиваетъ преобладающее вліяніе судей въ дѣлѣ выборовъ и составленія наказовъ и, въ частности, что касается вліянія сеньеріальныхъ судей, то авторъ приходитъ къ тому выводу, что сеньеріальные судьи, стѣсняя свободу первичныхъ собраний, противодѣйствовали внесенію въ первичные наказы жалобъ противъ сеньеріальнаго суда и сеньеріальныхъ правъ.

Что касается собственно вліянія самихъ сеньеровъ (этому вопросу посвященъ второй отдѣлъ разсматриваемой главы, стр. 135—145), то собранныя авторомъ данныя сводятся къ тому, что лично сеньеры довольно рѣдко навязывали свою волю избирателямъ, а чаще предлагали имъ свои услуги и били на популярность. Вообще, говоритъ г. А. Ону, „съ какой стороны ни посмотрѣть на роль дворянства во время выборовъ, несомнѣнно, что избирательная борьба въ деревняхъ велась не столько съ личностью помѣщика (все равно, дворянинъ ли онъ, или разночинецъ), не столько съ дворянскимъ сословіемъ, сколько съ безличнымъ сеньеріальнымъ строемъ, съ безличными, но цѣпкими остатками сеньеріальной старины“ (стр. 144). Замѣтимъ, что, вопреки брошенному здѣсь вскользь, между скобокъ, замѣчанію о наличности сеньеровъ-не-дворянъ, авторъ все время говоритъ въ дѣйствительности не о сеньерахъ вообще, а именно о сеньерахъ-дворянахъ. Подобное подстановленіе *partis pro toto*—явленіе довольно обычное въ литературѣ по исторіи стараго порядка во Франціи; тѣмъ досаднѣе, что этотъ промахъ повторяется нашимъ авторомъ вовсе не по незнанію, а просто по невнимательности.

Далѣе г. А. Ону приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ „репрессалій послѣ выборовъ“ (такъ озаглавленъ третій отдѣлъ разбираемой главы, стр. 145—149), въ чемъ совершенно вѣрно видитъ косвенное дока-

зательство наличности давленія на избирателей въ приходахъ. Благопріятную почву для такого давленія давалъ установленный избирательнымъ закономъ порядокъ открытой подачи голосовъ въ приходскихъ собраніяхъ; этому вопросу посвященъ четвертый отдѣлъ разсматриваемой главы (стр. 149—152). Слѣдующіе и послѣдніе два отдѣла, болѣе обширные, посвящены характеристикѣ „настроенія народа“ (стр. 152—176) и „избирательной борьбы въ первичныхъ собраніяхъ“ (стр. 177—202). Настроеніе народа рисуется авторомъ, какъ „спокойствіе передъ бурей“, характеризующееся „унылою заботостью, косностью и недовѣріемъ крестьянской массы къ новшествамъ, опасеніями, что созывъ генеральныхъ штатовъ послужитъ лишь сигналомъ къ новому увеличенію налоговъ“. На почвѣ той нервной приподнятости, которая была вызвана связанными съ выборами въ генеральные штаты надеждами и опасеніями, происходятъ во многихъ мѣстахъ мелкіе бунты. Одинъ изъ такихъ, бунтъ въ деревнѣ Шату, около Парижа, подробно описывается авторомъ въ качествѣ типическаго примѣра. Эта часть главы вноситъ нѣсколько новыхъ штриховъ въ уже извѣстную, со времени Тэна, картину. Къ сожалѣнію, авторъ произвольно сузилъ свою задачу, ограничивши и въ данномъ случаѣ народъ однимъ крестьянствомъ. О настроеніи другихъ слоевъ французскаго народа, и въ частности—городскаго населенія въ это время, г. А. Ону ничего не говоритъ. Тѣмъ же произвольнымъ суженіемъ намѣченной задачи страдаетъ и слѣдующій (послѣдній) отдѣлъ главы—объ избирательной борьбѣ въ приходахъ. И здѣсь авторъ ограничиваетъ свое поле зрѣнія почти исключительно деревенскими приходами, лишь изрѣдка и мимоходомъ заглядывая въ мѣстечки полу-городскаго, полу-деревенскаго характера, но систематически обходя сколько-нибудь значительные города. Пробѣлъ этотъ тѣмъ болѣе серьезенъ, что городскіе выборы могли бы дать особенно богатый и благодарный матеріалъ для рисуемой авторомъ картины избирательной борьбы, въ особенности же той „борьбы партій“, которой авторъ посвящаетъ вторую и большую часть разсматриваемаго отдѣла (стр. 182—202). Строго говоря, вѣдь о борьбѣ партій въ собственномъ смыслѣ и можно было бы говорить только по отношенію къ городскимъ выборамъ, а для той борьбы мелкихъ кружковъ и не менѣе мелкихъ личныхъ честолюбіи въ деревенскихъ избирательныхъ собраніяхъ, многочисленными примѣрами которыхъ наполненъ параграфъ, озаглавленный „Борьба партій“, это послѣднее выраженіе черезчуръ громко и не совсѣмъ точно.

IV.

Слѣдующая, третья глава носитъ заглавіе: „Первичныя собранія приходовъ“ (стр. 203—276). Собственно говоря, съ этого слѣдовало бы начать. Какъ бы то ни было, разъ авторъ написалъ главу, которую снабдилъ сейчасъ приведеннымъ заглавіемъ, то читатель, казалось бы, въ правѣ надѣяться найти въ ней болѣе или менѣе ясную и законченную картину того, что представляли собою эти первичныя собранія приходовъ, эта „кѣтчатка выборовъ“, по собственному выраженію автора (стр. 112). Такую картину, однако, напрасно сталъ бы искать читатель въ означенной главѣ, которая, въ сущности, представляетъ собою не что иное, какъ длинное, растянувшееся на 74 страницы примѣчаніе къ той главѣ, для которой авторъ написалъ приведенное заглавіе, а текста главы не успѣлъ изготovitъ... за исключеніемъ лишь обширнаго примѣчанія къ нему. Говоря другими словами, разсматриваемая глава, по характеру своего содержанія, есть не что иное, какъ экскурсъ, посвященный одному специальному вопросу, связанному съ приходскими собраніями, именно — вопросу о томъ, насколько успѣшно они состоялись. Въ нѣсколько иной, и прежде всего—гораздо болѣе сокращенной редакціи этотъ экскурсъ могъ бы съ большимъ удобствомъ составить часть той главы, которую авторъ, повидимому, собирался (и долженъ былъ) написать, но почему-то не написалъ, — главы о первичныхъ собраніяхъ. Кромѣ того, собранный г. А. Ону интересный матеріалъ можно было бы съ успѣхомъ использовать въ предѣлахъ гораздо болѣе скромнаго количества страницъ. Хотя собранныя здѣсь авторомъ данныя и недостаточны для окончательнаго и исчерпывающаго, въ статистическомъ смыслѣ, рѣшенія вопроса объ успѣшности приходскихъ собраній, но они во всякомъ случаѣ достаточны для установленія факта значительной успѣшности послѣднихъ.

Разсматриваемая глава-экскурсъ интересна еще въ методологическомъ отношеніи тѣмъ, впервые установленнымъ г. А. Ону обстоятельствомъ, что протоколы окружныхъ собраній, несмотря на свой официальный и публичный характеръ, не являются безусловно достовернымъ свидѣтелемъ въ данномъ вопросѣ. Дѣло въ томъ, что, при спорности территоріальныхъ границъ балъжей и сенешальствъ (являвшихся избирательными округами), многіе приходы оказались занесенными одновременно въ два окружныхъ списка; результатомъ этого было то, что такіе приходы, въ случаѣ явки (то есть послыжки депу-

татовъ) въ одинъ изъ округовъ, попадали въ списокъ неявившихся въ другомъ округѣ, въ случаѣ же неявки фигурировали въ числѣ неявившихся въ двойномъ числѣ. „Независимо отъ интересовъ юрисдикціи, къ раздуванію числа *défauts* побуждало также соперничество между главными и второстепенными округами. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ главному бальяжу были подчинены еще второстепенные округа, предварительныя собранія главнаго и второстепеннаго округовъ сливались въ окончательное общее собраніе главнаго округа для редакціи окончательнаго наказа, а также для выборовъ депутатовъ въ Версаль. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, каждый округъ стремился ввести въ общее собраніе возможно большее число представителей, чтобы обезпечить вліяніе руководящихъ взглядамъ своимъ“ (стр. 238 — 239). Благодаря всему этому, „протоколы округовъ косвенно превращаются въ тенденціозный обвинительный актъ противъ деревенской Франціи“ (стр. 237). „Историки же, принимавшіе доселѣ эти свѣдѣнія безъ всякой провѣрки, совершенно напрасно зывали къ смягчающимъ обстоятельствамъ или, наоборотъ, произносили суровые приговоры избирателямъ“ (стр. 245). Боле обстоятельно останавливается г. А. Ону на Шассенѣ, лишній разъ разоблачая всю диллетантскую и тенденціозную легковѣсность этого историка-публициста.

V.

Четвертая глава, самая обширная по своему объему и самая важная по своему содержанію, посвящена, какъ гласитъ заглавіе, „составленію первичныхъ наказовъ и степени сознательности избирателей“ (стр. 277—439).

Замѣтимъ прежде всего, что и здѣсь авторъ продолжаетъ оставаться вѣрнымъ стмѣченному въ предыдущей главѣ произвольному суженію поставленной имъ себѣ задачи. Вопреки послѣдней, и наперекоръ заглавію, рѣчь идетъ въ разсматриваемой главѣ не о первичныхъ наказахъ вообще, а только о крестьянскихъ.

Г. А. Ону начинаетъ съ изученія вліянія избирательной пропаганды (отдѣлъ первый, стр. 278 — 299), осуществлявшейся въ ту пору, вслѣдствіе слабаго развитія періодической прессы, главнымъ образомъ въ формѣ брошюръ и листовъ. Не можемъ, однако, согласиться съ мнѣніемъ автора, будто „огромная брошюрная литература конца XVIII в. изучена, хотя и не исчерпывающимъ образомъ, но весьма основательно“ (стр. 278); „основательность“ эта возбуждаетъ тѣмъ болѣе основательныя сомнѣнія, что „изученіемъ“ этого матеріала,